

Говоря об этом, Бай Цзинь невольно перевела дыхание, едва сдерживая нахлынувшие чувства: — Но ты...

— Это всего лишь его уловка! — Вэй Чэнцзэ резко оборвал её. Он упёрся руками в доску для игры в го, глаза его налились кровью, словно загнанный зверь, издающий свой последний рык. — Это заговор, который он просчитал ещё давным-давно! Он всегда так поступает: делает вид, будто остаётся в стороне, а на самом деле за всем, что происходит, стоит он...

— Но он ведь мёртв! — Бай Цзинь, не желая больше слушать, как Вэй Цзыань порочит память этого человека, невольно повысила голос. — Ты хочешь сказать, что он использовал собственную жизнь, чтобы подстроить всё это против тебя? Ради чего? Что у тебя есть такого, ради чего стоило бы так рисковать?!

Вэй Цзыань онемел.

Талант, удача, сила, могущественные покровители — у Вэй Чэнцзэ было всё, и у него не было ни единой причины плести интриги против Вэй Цзыаня.

Однако, даже прекрасно осознавая это, Вэй Цзыань всё равно не желал — не смел — признавать правду. Он шатаясь поднялся и направился к Вэй Чэнцзэ:

— Невозможно, это всё его козни. Он не мог умереть, как он мог вот так просто взять и умереть?

Вид у него был настолько жалкий, что Бай Цзинь не выдержала и отвела взгляд. И всё же, прежде чем пальцы Вэй Цзыаня успели коснуться Вэй Чэнцзэ, за его спиной внезапно раздался ледяной голос:

— Ты только что... сказал, кто умер?

Вэй Цзыань замер. Не оборачиваясь, он попытался дотянуться до Вэй Чэнцзэ, но, прежде чем коснулся его, чья-то рука перехватила его запястье.

— Я спрашиваю, ты только что... сказал, кто умер? — глядя Вэй Цзыаню прямо в глаза, по слогам произнёс Фу Анье.

Вэй Цзыань вздрогнул. Он обернулся и, увидев лицо Фу Анье, словно покрытое инеем, почувствовал, как в голове всё прояснилось, будто на него вылили ушат ледяной воды.

— Я сказал, что Вэй Чэнцзэ мёртв, — глядя на Фу Анье, медленно и чётко произнёс он. — Это я убил его.

Зрачки Фу Анье сузились, пальцы на запястье Вэй Цзыаня невольно сжались сильнее. Вэй Цзыань поморщился от боли, но, заметив потрясение в глазах Фу Анье, ощутил странное удовлетворение:

— А он ведь и правда умел нравиться людям, все до единого теряли от него голову. Какие-то жалкие уловки — и вы все так легко позволили водить себя за нос? — Вэй Цзыань внезапно повысил голос: — Не смешите меня!

— Уничтожение клана Вэй, травля на пике Тяньцзи, попытка столкнуть меня в пропасть — неужели всё это было ложью? — Вэй Цзыань холодно усмехнулся. — А что насчёт техники

Тяньмин, которая оказалась в его руках? Ты хоть скажи мне, откуда он её взял?

Рука Фу Анье сжималась всё крепче, Вэй Цзыань слышал, как хрустят его собственные кости, но даже несмотря на это, он не хотел останавливаться:

— Он мёртв, разве это не лучшее, что могло случиться...

Фу Анье больше не мог этого выносить и одним ударом отшвырнул его в сторону.

Вэй Цзыань отступил на несколько шагов, прежде чем устоять на ногах. Он вытер кровь с уголка рта и посмотрел на Фу Анье, который бережно проверял состояние Вэй Чэнцзэ. Взгляд Вэй Цзыаня помрачнел. Он до сих пор помнил, как Фу Анье помогал ему и давал советы, когда он только попал на пик Тяньцзи, но теперь тот, кто когда-то предупреждал его быть осторожнее, встал на сторону Вэй Чэнцзэ.

Тело Вэй Чэнцзэ уже остыло. Он лежал с закрытыми глазами, а уголки его губ слегка приподнялись — если не обращать внимания на пятна крови на теле и засохшую струйку в уголке рта, казалось, будто он просто погрузился в глубокий сон.

Словно боясь причинить ему боль, Фу Анье осторожно прижал Вэй Чэнцзэ к себе. Он был пугающе спокоен. Слегка повернув голову к Вэй Цзыаню, он впервые полностью лишился своей привычной улыбки:

— Это всё?

Вэй Цзыань замер, не понимая смысла его слов. Фу Анье выдержал паузу и спросил снова:

— Твои причины ненавидеть его — это всё?

Реакция Фу Анье была слишком странной, и в сердце Вэй Цзыаня закралась тревога. Он закусил губу, голос его стал сухим и хриплым:

— Что ты хочешь сказать?

— Уничтожение клана Вэй, — не отвечая на вопрос, спокойно произнёс Фу Анье. — Это я приказал своим людям сделать это. — Он посмотрел на Вэй Цзыаня и вдруг улыбнулся: — Ты даже не знал, что сам проболтался о существовании техники Тяньмин?

— Что... что? — растерянно переспросил Вэй Цзыань, и в его глазах промелькнуло такое неподдельное смятение, что это вызывало невольную жалость.

Если бы не ты, как бы клан Вэй... Вэй Чэнцзэ говорил это в тот день так отчётливо, что он до сих пор помнил каждое слово, но никогда не задумывался, что же это значило на самом деле.

— Если вернёшься сейчас в ту пещеру, где ты часто прятался, уверен, найдёшь много интересного. — Фу Анье опустил глаза на Вэй Чэнцзэ, тихо лежащего у него на руках, и терпеливо отвечал на вопросы Вэй Цзыаня, не проявляя ни малейшего желания нападать на него.

Вэй Чэнцзэ был прав: нет ничего лучше, чем поразить человека в самое сердце.

— Изначально я хотел оставить в живых только его, ведь для получения техники Тяньмин нужна кровь клана Вэй. — Фу Анье смягчился, словно вспомнив что-то дорогое сердцу. — Но он так отчаянно умолял меня пощадить тебя, что был готов пожертвовать собственной жизнью.

— А ты просто бросил его в том месте.

Вэй Цзыань сжал кулаки. О том, что было дальше, Фу Анье не нужно было говорить — он уже не менее трёх раз слышал эту историю от Лю Жуюй.

Один, в одиночку, попал в засаду — тяжело ранен, на грани смерти.

— Кстати, — Фу Анье словно вспомнил нечто забавное, — я сказал ему, что те люди, напавшие на него, были приведены тобой специально.

Вэй Цзыань резко поднял голову, в его глазах читался нескрываемый шок. Губы задрожали, и лишь спустя долгое время он с трудом выдавил из себя:

— А на пике Тяньцзи...

— Он ничего не сделал. — Фу Анье не позволил ему договорить, он и так всё понял. — Нет, не совсем так. — Он покачал головой. — Ведь он всё это время защищал тебя.

Вэй Цзыань пошатнулся, едва удерживаясь на ногах.

— Наверняка ты не знал, что в тот самый день, когда тебя столкнули с обрыва, пятого ученика Цинь Цзыцзиня кто-то избил в бамбуковой роще? — Фу Анье чуть изогнул губы. — Но он до самого конца не проронил об этом ни слова, и дело замяли.

— Ты ведь догадываешься о причине? — Фу Анье посмотрел на Вэй Цзыаня с нескрываемой насмешкой. — В этом мире есть лишь один человек, которого он готов был оберегать с таким рвением.

Маскировка, сеяние раздора, провокации — все методы были использованы, но по-настоящему сработал лишь один из них.

Вэй Цзыань вдруг вспомнил, как странно вёл себя тот «Вэй Чэнцзэ», с которым он встречался в ту ночь. Теперь, когда маска была сорвана, в том дне виделось множество нестыковок.

Для совершенствующегося уровня Юаньин нет ничего сложного в том, чтобы принять чужой облик.

Человеком, ради которого Вэй Чэнцзэ мог так поступить, был только Вэй Цзыань, и об этом знал не только Фу Анье. Именно поэтому поиски Вэй Цзыаня на пике Тяньцзи никогда не прекращались.

— Я обязан господину Вэю жизнью, а его единственным желанием было обеспечить твою безопасность, — подала голос Бай Цзинь.

Вот почему каждый раз ему удавалось так удачно избегать опасностей, даже не подозревая, как близко он был к краю.

— Но техника Тяньмин... — Вэй Цзыань всё ещё пытался найти оправдание.

— Техника Тяньмин? — Фу Анье посмотрел на него с иронией, словно слышал нелепую шутку. — Разве ты не выбросил эту вещь как мусор ещё в самом начале?

Слова Фу Анье посеяли в душе Вэй Цзыаня панику. Он посмотрел на знакомый нефритовый свиток, валявшийся у его ног, и наконец, не выдержав, согнулся пополам, схватившись за

грудь.

— Можно спросить тебя об одном? — тяжело дыша, Вэй Цзыань поднял взгляд на Фу Анье. — Тот, кто каждый день помогал мне очищать меридианы и передавал технику Тяньмин... это был Вэй Чэнцзэ?

Фу Анье помолчал, а затем ответил:

— В этом мире есть лишь трое, кто практиковал технику Тяньмин. — Хотя он не сказал этого прямо, смысл был ясен без слов.

В груди Вэй Цзыаня возникла острая боль. Последние слова Вэй Чэнцзэ снова и снова звучали в его ушах.

Радость, печаль, боль, раскаяние... все эти чувства перемешались, на мгновение погрузив его разум в пустоту.

Лишь спустя долгое время Вэй Цзыань пришёл в себя. Стиснув зубы, он с трудом выдавил:

— Почему?

Если бы не Фу Анье, между ним и Вэй Чэнцзэ не было бы этих бесчисленных недопониманий, и они не оказались бы в такой ситуации.

— Почему? — Фу Анье повторил вопрос, и его голос больше не был таким спокойным. — Этот вопрос я и сам хотел бы задать.

— Почему в его глазах всегда мог отражаться только ты?

Вэй Цзыань замер, его глаза расширились, словно он услышал нечто невероятное. Он посмотрел на человека, лежащего на руках у Фу Анье.

Вэй Чэнцзэ... ко мне?

— Впрочем, это уже не имеет к тебе никакого отношения. — Слова Фу Анье привели Вэй Цзыаня в чувство. Он смотрел, как Фу Анье поднялся вместе с Вэй Чэнцзэ, и взгляд его становился всё холоднее: — Куда ты его несёшь?

— Конечно же... — Фу Анье не успел договорить, как его прервали: — Оставь его.

Фу Анье замер и поднял голову. Глядя на человека, парящего в воздухе, он слегка нахмурился.

— Оставь его. — Цинь Цзыцзинь, глядя на Фу Анье сверху вниз, холодно повторил свой приказ.

Он был здесь с самого начала, но всё, что говорил Фу Анье, было настолько шокирующим, что он не решался вмешаться. Но теперь, когда Фу Анье вознамерился унести тело Вэй Чэнцзэ, он не мог стоять в стороне.

Фу Анье поднял взгляд на Цинь Цзыцзиня и прищурился.

Он прекрасно видел, что именно Цинь Цзыцзинь испытывал к Вэй Чэнцзэ, и именно поэтому этот человек, вечно ставивший ему палки в колёса на пике Тяньцзи, вызывал у него ещё большее раздражение.

— Ещё один, кто даже не понимал истинной сущности Вэй Чэнцзэ.

Уголки губ Фу Анье приподнялись в привычной улыбке:

— Старейшина Цинь, я уважаю вас как учителя Сяо Цзэ и не хочу поднимать на вас руку.

Глаза Цинь Цзыцзиня сузились, он поднял руку, собираясь сложить заклинание, но увидел, как фигура Фу Анье начала постепенно становиться прозрачной, пока не исчезла вовсе.

Фу Анье был самонадеян, но не настолько, чтобы верить в свою способность, будучи на стадии Юаньин, противостоять Цинь Цзыцзиню, который уже несколько сотен лет развивал свой духовный дух. Едва почувствовав присутствие старейшины, он создал массив, чтобы переместить себя и Вэй Чэнцзэ в другое место, оставив на месте лишь реалистичную иллюзию.

А иллюзии никогда не были сильной стороной Цинь Цзыцзиня.

Прижав тело к себе ещё крепче, Фу Анье опустил голову и, глядя на лицо, похожее на спящее, тихо спросил:

— Ты правда... умер?

Никто не ответил. Человек на его руках безмятежно закрыл глаза. Его лицо, лишённое юношеской незрелости, было необычайно красивым, а лёгкая улыбка на губах придавала ему вид полного спокойствия. Несмотря на то, что одежда была пропитана кровью, он казался чистым, нетронутым мирской суетой небожителем — таким далёким и недостижимым.

— Даже сейчас твоя маскировка безупречна. — Кончиками пальцев Фу Анье провёл по уголкам губ того, кого держал, стирая засохшую кровь. — Он всегда был таким, — прошептал он, словно вздыхая, — скрывал себя так, что не подкопаешься. Даже тот, кто лучше всех умеет отличать искренность от лжи, не смог бы прочесть твои истинные намерения. В итоге все оказывались в ловушке, из которой невозможно выбраться.

Фу Анье порой задумывался: был ли Вэй Чэнцзэ, которого он видел перед собой, настоящим, или же это был очередной «Вэй Чэнцзэ», такая же маска, как и та, что он носил перед остальными на пике Тяньцзи?

Сдержанный, честный, простодушный — или высокомерный, холодный, своевольный? Если бы Вэй Чэнцзэ не перестал скрываться перед ним, даже он, вероятно, принял бы его за безобидного кролика, которого можно было легко подчинить своей воле.

— И всё же результат остался прежним.

Вспоминая всё, что он сделал за эти годы, Фу Анье невольно вздохнул.

Он был уверен, что, связав свою судьбу с судьбой Вэй Чэнцзэ, однажды получит желаемое, но в итоге так и не понял, чего же на самом деле хотел сам Вэй Чэнцзэ.

Коснувшись пальцами щеки того, кого держал, Фу Анье спросил с нескрываемой досадой:

— Чего же ты хотел на самом деле?

Что такого было в Вэй Цзыане, ради чего стоило плести такие интриги?

Но тот, у кого он спрашивал, уже никогда не даст ему ответа.

Нет ничего лучше, чем поразить человека в самое сердце — если бы не подсказка Вэй Чэнцзэ, как бы Фу Анье додумался до такого? В мире совершенствования превыше всего сила: если кто-то не нравится — просто убей его. Фу Анье редко прибегал к подобным многоходовым играм.

Вэй Чэнцзэ с самого начала продумал свой финал, а Фу Анье даже не догадывался об этом. В итоге он остался лишь с остывающим телом, как проигравший, который бесконечно вспоминает о былом величии.

— Чувство, когда тебя используют как пешку, очень неприятное... — Фу Анье слегка прищурился, скрывая выражение глаз.

Он не был глупцом, совсем наоборот — он видел многие вещи яснее остальных. Хотя, находясь в гуще событий, он не мог разглядеть всей картины, теперь, оглядываясь назад, он мог восстановить события на семьдесят-восемьдесят процентов.

Должно быть, с самой первой встречи он попал в расставленные Вэй Чэнцзэ сети, и хотя всё пошло не совсем по плану, его собственное участие лишь облегчило реализацию задуманного.

Как бы ясны ни были глаза этого человека, в них никогда не отражался никто другой.

Вэй Чэнцзэ любил только самого себя, а всё остальное было лишь реквизитом для его собственной забавы.

Будь то Цинь Цзыцзинь, Вэй Цзыань, Лю Жуюй или даже он сам.

Это была игра, где противниками были Вэй Чэнцзэ и некая неведомая сила. Вэй Цзыань был шахматной доской, а Фу Анье — всего лишь фишкой, используемой для победы.

— Какой разочаровывающий вывод. — Хотя он произнёс это, в его голосе не было ни капли разочарования.

Увидев тело Вэй Чэнцзэ, Фу Анье всё понял, но всё равно доиграл оставшуюся часть сценария — вероятно, это тоже было просчитано Вэй Чэнцзэ, поэтому он ушёл так легко, не оставив путей к отступлению.

— На этот раз считай, что ты мне должен. — Фу Анье склонился и поцеловал губы того, кого держал, тихо усмехнулся и потёрся носом о его нос. Голос его звучал как шёпот любовника: — Рассчитаешься со мной всем временем, которое у тебя осталось.

Раз уж Вэй Чэнцзэ так хорошо знал его, он наверняка понимал, что Фу Анье ни за что не поверит в такую лёгкую смерть. Всё, что ему оставалось — это найти того, кто так жестоко с ним обошёлся.

— Наверняка даже это ты уже просчитал?

Дополнительная глава: Цинь Цзыцзинь

Самым большим достижением в жизни Цинь Цзыцзиня было то, что он взял Вэй Чэнцзэ в ученики, и самым большим сожалением — то же самое.

Впервые Цинь Цзыцзинь увидел этого ребёнка, когда тот лежал в траве, весь в крови, при смерти. Если бы его грудь не вздымалась едва заметно, Цинь Цзыцзинь решил бы, что это уже остывший труп.

Совершенствующиеся ценят предопределённость судьбы, и на пике Тяньцзи этому уделяли особое внимание. Одним из условий принятия во внутренние ученики была связь с бессмертием. Раз уж они встретились, Цинь Цзыцзинь не мог остаться в стороне — особенно в таком глухом месте, где в ближайшее время вряд ли кто-то пройдёт. Можно было легко представить, что случилось бы с ребёнком, если бы он прошёл мимо.

Неизвестно, через что прошёл этот мальчик, но казалось, что его тело было буквально раздроблено и собрано заново, а меридианы были перебиты до единого. Даже если бы раны зажили, он остался бы калекой, неспособным поднять даже что-то тяжёлое. И всё же, в этом человеке Цинь Цзыцзинь обнаружил невероятный талант к совершенствованию, не уступающий его собственному. Боль при восстановлении меридианов была невыносимой, особенно для ребёнка, только что пережившего такой удар. Но, вопреки ожиданиям, мальчик не колебался ни секунды.

— Если я стану бессмертным, — выпрямив свою хрупкую фигуру, ребёнок поднял голову и посмотрел на Цинь Цзыцзиня, — я стану сильнее?

Цинь Цзыцзинь посмотрел на его сжатые кулаки и спросил:

— Ты хочешь отомстить?

То, что он оказался в таком положении, не могло быть случайностью, и Цинь Цзыцзинь не удивился такому ответу.

— Нет, — мальчик покачал головой, — я хочу защищать. — Его глаза были чистого чёрного цвета, без единой примеси.

Именно тогда Цинь Цзыцзинь решил сделать его своим учеником.

Для Ши Наня, одержимого алхимией, создание таблетки для восстановления меридианов не было чем-то сложным, но чем выше качество таблетки, тем сильнее боль у принимающего. А для совершенствования Вэй Чэнцзэ требовалась таблетка высшего качества. Цинь Цзыцзинь был готов к тому, что мальчик не выдержит, но тот снова превзошёл все ожидания.

Лечение длилось более полумесяца, и всё это время Вэй Чэнцзэ терпел боль, словно разрывающую тело на части, но ни разу не пожаловался. Даже когда от боли начинались судороги, единственное, что он говорил Цинь Цзыцзиню, было: «Спасибо».

Это был ребёнок с настолько чистой душой, что это вызывало щемящую жалость.